

*Мы ушли, словно не были,
и следов не оставили,
Мы в атаке не ранены,
не убиты в бою:
То ли в море уплыли мы,
то ли в небе растаяли.
Мы ушли на задание —
мы, как прежде, в строю.
Всегда в строю.*

(А. Галич,
«Песня советских разведчиков»)

Первая командировка

ГЛАВА ПЕРВАЯ

По перрону Белорусского вокзала не спеша шел молодой человек. Спортивная подтянутая фигура, возраст 22–25 лет, европейские черты лица, рост чуть выше среднего. Внешне он ничем не отличался от окружающих его людей. Да и никому не следовало знать, что в кадрах Управления «С» ПГУ КГБ СССР он проходил как стажер под псевдонимом Фауст и сейчас отправлялся в свою первую, пусть и учебно-тренировочную, зарубежную командировку.

Вокруг него была обычная вокзальная суета. Он уезжал за границу, но, на удивление, не чувствовал тоски расставания с родиной. Белые березы и родные осины не тревожили его чувств. Он отправлялся на задание. Первое реальное, пусть учебное, но и боевое задание. Как может быть иначе, ведь он отправлялся из родного соцлагеря в капстрану! Он ехал по чужим документам, должен был совершать действия, от которых местная контрразведка будет точно не в восторге. Тоски не было, была гордость, что он принадлежит к элите

самой могущественной спецслужбы страны. Не совсем еще принадлежит, но разобьется, чтобы принадлежать.

По громкоговорителю объявили, что до отправления поезда № 1 «Москва — Париж» остается 30 минут, прицепные вагоны до Варшавы, Берлина и Хук-ван-Холанда находятся в голове поезда.

Он поправил на плече спортивную сумку на длинном ремне и направился в указанном направлении. Отсчет командировки начался, поэтому он уже привычно стал фиксировать окружающую обстановку и людей. Этому его учил один из наставников.

Их было несколько. Часть из них была опалена работой «на холоде», кто-то вообще ни разу не выезжал: это были технические специалисты по шифрованию, тайнописи. Нелегалы тоже были разные, начиная от древних пенсионеров, которых готовил, наверное, еще Артузов, и они так и остались нераскрытыми.

Была и «молодежь», которой повезло меньше и которая была вынуждена вернуться из-за того, что контрразведка страны пребывания обратила на наших людей пристальное внимание. Им не повезло там, да и здесь их устраивали подальше от оперативной работы, как правило, на преподавание в сотую школу или, как в случае с Фаустом, для индивидуального обучения будущих нелегалов.

«Николай Николаевич» выводил Фауста на улицы Москвы и заставлял фильтровать встречный поток людей. Сначала было тяжело, особенно когда в поле зрения попадало более десяти человек. Фауст не успевал анализировать, в глазах рябило от наплыва незнакомых лиц. Потом он научился разбивать поток на группы, находить типажи, видеть, кто выпадает из потока. Это как в лесу. Если ты горожанин до мозга костей, то для тебя все деревья одинаковые, зеленые. Зато опытный глаз фиксирует не только породы деревьев, но и разные несоответствия. Почему под осиной оказались желуди дуба, что за нора под корнями сосны...

Фауст шел по правой стороне платформы и отмечал, как, воровато оглядываясь, грузили большие баулы поляки. Возле следующего вагона провожали западногерманского дипломата с женой на отдых. Дипломат был в ранге не меньше советника, поэтому наметанный взгляд сразу нашел своих коллег из наружки. Они сопровождали объект и изображали семейную пару. У них даже чемодан был. В том, что это топтуны, Фауст был уверен на сто процентов. Ему даже захотелось подмигнуть коллегам по конторе, но он вовремя спохватился. Нельзя привлекать внимание — одно из основных правил разведчика. Спасибо «Николай Николаевичу» за науку.

Дальше была группа из бюро молодежного туризма «Спутник» — сплошные комсомольцы

и комсомолки, поощренные ЦК ВЛКСМ, далее иностранцы, командировочные. Все как положено.

Фауст дошел до предпоследнего вагона, на котором была табличка «Москва — Хук-ван-Холланд». У входа стояли два проводника в строгой синей униформе. Молодой человек поздоровался и предъявил старшему по возрасту билетную книжку и новенький заграничный паспорт. Проводник сначала раскрыл паспорт и уверенно разобрался с латинскими буквами:

— Савельев Павел. — Он быстро глянул на пассажира, желая получить подтверждение, но парень молча ждал окончания процедуры. Проводник быстро просмотрел билетную книжку, в которой были отрывные корешки на поезд до Роттердама и через три недели обратно. — Пожалуйста, проходите, у вас второе купе, — пригласил он пассажира.

Павел прошел в вагон. Его соседом по купе оказался юноша, явно старшеклассник, которого провожала пожилая тетька. Не желая нарушать процедуру инструктажа отправляющегося в путь оболтуса, Павел оставил сумку, вышел на платформу и с улыбкой стал наблюдать за вокзальной суетой на перроне.

Это была его первая поездка в капиталистическую страну, да еще с заданием, отчего у него появилось чувство прощания. Он попрощался с Москвой конца семидесятых, с лозунгом на фасаде

«Решения XXV съезда КПСС — в жизнь!», с мороженым пломбир.

И тут он заметил возле лотка мороженщицы крупного щенка. Пес, в родословной которого явно прослеживались благородные предки из племени овчарок, с интересом, склонив голову набок, спокойно смотрел на Павла. У молодого человека потеплело на душе. Он знал, что его никто не будет провожать, но подсознательно чего-то ждал.

Все проводы были вчера. По давно устоявшейся традиции накануне отправки нелегала в командировку «на холод» руководство устраивает небольшое застолье на конспиративной квартире. Пришли его куратор Сергей Николаевич и замначальника отдела. Были тосты, были пожелания удачи... Но это было вчера, а сегодня он уже на боевой тропе.

Теперь этот пес. Фауст сразу вспомнил, что так уже было год назад. Тогда была учебно-тренировочная командировка, тоже был вокзал, только Павелецкий. Также был поезд, только до крупного областного центра на Волге. Тогда он был еще зеленый стажер — гордый, что его приняли в ряды одной из самых могущественных разведок. Кстати, почему именно его?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Паша Свиридов не мог точно сказать, когда на него обратили внимание сотрудники Комитета госбезопасности. Он почувствовал это вни-

мание еще на третьем курсе университета, когда был студентом дневного отделения химфака. Они с друзьями организовали киноклуб «Волшебный фонарь». По договоренности с администрацией кинотеатра «Пионер» крутили на своих сеансах киноклассику из областной фильмотеки. Затем списались со столичными любителями кино, и их включили в «кольцо». Москвичи договаривались с атташе по культуре в посольствах, и им предоставляли на некоторое время для ознакомления те ленты, которые не попадали в советский прокат. Составлялось расписание городов, включенных в «кольцо», и коробки с лентами путешествовали из одного города в другой, задерживаясь не более чем на один день. Чаще всего за небольшую плату их переправляли с проводниками проходящих поездов. Картины были на языке оригинала, поэтому москвичи помогали еще и переводчиками-волонтерами.

В тот раз они получили киношедевр испанского режиссера Луиса Бунюэля «Тристана». Коробки прибыли поездом из Пензы, а переводчик должен был прилететь из Москвы самолетом. Однако произошел казус — толмач с испанского застрял в столице из-за нелетной погоды, а ленту на следующий день утром надо было уже отправлять в Волгоград. Все билеты на сеанс распроданы, аренда кинозала оплачена. Лихорадочные поиски переводчика-синхрониста с языка Сервантеса закончились неудачей. В университете на кафедре

иностранных языков преподавали только английский, немецкий и французский. По каким-то министерским правилам кафедра должна была вести дополнительно факультативы по другим языкам. Поэтому существовали занятия по испанскому и японскому. Но преподаватель испанского, вчерашняя выпускница с базовым французским, категорически отказалась переводить разговорный с экрана.

Павел посещал этот факультатив, потому что еще на первом курсе заболел мистическим реализмом в произведениях латиноамериканских писателей. Его манила таинственная непознанность далеких стран, пленили мистические вековые традиции и завораживала дремучая первородность провинциальной мудрости. Да и вообще, ему нравились иностранные языки. В школе и потом в вузе он был лучшим в английской группе. Немецким разговорным владел хорошо, потому что отец пять лет проработал в ГДР и сопливое детство пацана прошло среди друзей-немцев.

Кто-то должен был спасти ситуацию. И Павел решился. Но это не было безрассудством в чистом виде. Он почти целый день просидел в университетской библиотеке, внимательно штудировал подшивки журналов «Советский экран» и «Искусство кино», заново пересматривал книги кинокритиков по зарубежному кинематографу, по крупицам выискивая информацию по фильму. Поэтому

к началу сеанса уже хорошо представлял сюжет фильма и знал, чего ждать от его героев.

Зал оказался битком. Собрался весь интеллектуальный цвет университета и других вузов. Свиридов сидел возле сцены за столиком. Перед ним стоял микрофон, подключенный к усилителю, от которого, как змеи, расплзались провода к динамикам. Весь зал простирался перед ним. Он заметил во втором ряду сотрудников кафедры иностранных языков во главе с самой Идой Георгиевной. Молодой человек понимал, что именно перед ней он будет сейчас держать экзамен. Завкафедрой знала о сложившейся ситуации и одобрительно кивнула Павлу: давай, дружок, крутись. Она наклонилась к сидящему рядом с ней мужчине и, кивнув в сторону сцены, стала что-то активно рассказывать собеседнику.

Наконец погас свет. Вздохнув, Павел подключил микрофон. Пошли титры, но их переводить он не стал. Когда с экрана полилась испанская речь, его пробил холодный пот. Он ничего не понимал, только отдельные слова. Но тут же чуть не подпрыгнул от радости. Фильм сопровождался титрами на английском. Сначала юноша старательно переводил с английского, и испанская речь ему была нужна только для того чтобы привязать реплики к тому или иному персонажу. Однако минут через двадцать он с удивлением заметил, что уже не вчитывается, а вслушивается в действие на экране. Он стал понимать, что говорят герои. Их

речь была богаче, чем примитивный английский дубляж. Титры стали мешать, и Павел заставил себя не обращать на них внимания, полностью сосредоточившись на живой речи.

Время перестало существовать. Он весь сосредоточился на фильме. Это было непривычное ощущение. Обычно ты сидишь и смотришь, следишь за сюжетом, сопереживаешь героям. А сейчас Павел как будто сам находился рядом с ними, жил их жизнью.

Когда зажегся свет, раздались аплодисменты. Зрители приветствовали не только спорный талант режиссера, усилия организаторов, но и его, Павла, успех. Он оглядел зал и заметил, что главный специалист по языку, Ида Георгиевна, одобрительно показала ему большой палец и, наклонившись к соседу, что-то убедительно прошептала. Мужчина не хлопал, он внимательно, как-то запоминающе смотрел на юношу.

На этот внимательный взгляд Свиридов снова наткнулся через месяц. Команда университета по самбо принимала по графику областной универсиады команду сельскохозяйственного института. Деревенские ребята, крепыши, слыли опасными соперниками.

Перед выходом на борцовский ковер спортивный мандраж давал о себе знать, и Павел почти никого и ничего не замечал. Ему надо было подтвердить свой второй разряд, а для этого надо было победить в двух схватках с равным противником.

Он их выиграл, принеся команде победные очки. Теперь в полуфинале против него стоял КМС. Победить кандидата в мастера спорта и надежду сельхозинститута, когда сил осталось только на доньшке, было нереально. Поэтому главное было не проиграть «колхознику» с позором, всухую.

Главная задача тренера была выполнена, и юношу слегка отпустило. Он сразу ощутил резкий запах пота, стоящий в спортзале, услышал азартные крики зрителей, почувствовал, как намочила его борцовская куртка. Вот тут он снова поймал знакомый внимательный взгляд того же мужчины, что сидел на киносеансе с Идой Георгиевной. Теперь незнакомец стоял рядом с их тренером, Владимиром Николаевичем, около судейского столика. Тренер что-то объяснял ему, кивая на Свиридова.

КМС был опытным и резким бойцом. Видимо, он хотел сразу сломать уставшего противника, поэтому начал схватку быстро, активно и жестко. Павел держался из последних сил. В середине схватки в результате неудачного падения у него оказался выбит из сустава большой палец на ноге. Поединок остановили. Палец набухал и чернел прямо на глазах. Врач, проведя местную «заморозку», стал предлагать юноше остановить бой.

Незнакомца так заинтересовала сложившаяся ситуация, что он подошел почти вплотную к площадке и внимательно прислушался к разговору. Павел отказался от добровольной сдачи. Теперь

против опыта и силы, да еще и с раненой ногой, он мог противопоставить только хитрость и выносливость. Хромая, он вышел на середину ковра. «Колхозник» жалеть противника не собирался, ему нужно было готовиться к финалу. Сразу же из верхней стойки он хотел провести прием. Соперники вцепились в отвороты курток.

Тут Павел притворно ойкнул и сморщился от боли. КМС на мгновение остановился, и этого было достаточно, чтобы Свиридов, крутнувшись на здоровой ноге, поднырнул под него и провел бросок через спину. Прием получился мастерский и вызвал одобрительные крики зрителей. Однако финал боя был закономерным: КМС скоро подловил вконец измотанного Павла на болевой прием. Однако юноша не чувствовал себя побежденным и получил заслуженную похвалу от тренера. Незнакомец тоже посматривал на молодого человека с одобрением: у Павла возникло ощущение, что им еще придется встретиться.

Летом, после обязательной практики в лаборатории химкомбината, Свиридов отправился комиссаром в студенческий стройотряд «Монолит», который Павел организовал вместе со своим другом по секции борьбы Сашкой Подкидышевым. Отряд уже второй год подряд действовал на базе ПМК-115 и занимался тем, что тянул телефонную связь в сельских районах области. В прошлом году они брали подряд на «воздушку», устанавливали столбы, тянули и вязали провода. В этом году им,

как уже опытным связистам, достался более серьезный объект. Несмотря на то что отряд формировался на базе студентов физического факультета, командир добился, чтобы комиссаром снова стал «химик» Свиридов.

Лето пролетело быстро, закончился обязательный сорокапятидневный срок практики. Объект был сдан, и большая часть бойцов отправилась на законные каникулы. Но у ПМК «горел» один из объектов в дальнем сельском районе. Главный инженер уговорил ребят помочь. За это он пообещал им хорошие деньги и сносные бытовые условия.

Бригада из семи человек отправилась к месту дислокации. Условия были действительно сносные и очень романтические. Ребята занимали отдельную пустующую избу. Удобства были на улице, воду без кипячения пить было нельзя. В первый же вечер их попыталась «прописать» местная молодежь, так что пришлось помахать и кулаками, и штакетиной от забора. Зато на следующий день Сашка выставил местным парням пол-ящика отвратного дешевого портвейна «Агдам», и враги стали друзьями.

С тех пор Павел крепко запомнил присказку своего друга Подкидышева, что ничто так не сближает настоящих мужиков, как хорошая драка и крутая выпивка после нее. Работы было много, и завершить к началу учебного года объект не удалось. Они освободились только в начале октября.

Когда Свиридов явился на родной факультет, занятия еще не начались, но в деканате стоял аврал. Всех, кого было можно, отправили на уборку урожая в подшефный совхоз. Пропуск этой повинности карался жестче, чем пропуск занятий. Месяц отлынивания без уважительной причины от сельхозработ мог сулить даже отчисление. Павел, конечно, подстраховался и вытребовал от главного инженера ПМК письмо на имя декана с просьбой отпустить студента Свиридова на выполнение ответственных работ по телефонизации области, заверенное Первым секретарем райкома КПСС. Декан долго ругался, но пойти против письма из райкома не мог, не тот уровень. Но и просто так отменить проект приказа об отчислении не собирался.

— Сейчас Тамара Петровна распечатает распоряжение об отмене отчисления за прогулы. Подпишешь его в кадрах, профкоме, у проректора по режиму и принесешь мне, — вынес свое решение декан.

— Зачем к проректору по режиму? — удивился студент-«прогульщик».

Декан почему-то отвел глаза и, немного помывшись, ответил:

— Свиридов, ты же почти выпускной курс ... Особый учет. Короче. Сказано в Первый отдел — значит, иди в Первый отдел. Туда зря не вызывают.

— Так меня что, туда вызывают? — продолжал недоумевать юноша.

Декан понял, что сказал лишнее, и энергично махнул на него рукой:

— Иди, Свиридов, иди! У меня других забот хватает. И чтобы послезавтра с вещами в восемь утра был здесь. Будем отправлять вас, прогульщиков, на центральную усадьбу в совхоз.

Кабинет проректора располагался в главном корпусе университета, рядом с парткомом. Павел еще надеялся, что в спецчасти он долго не задержится. Получит подписи, как в отделе кадров и профкоме, выслушает краткую нотацию и — свободен. Но когда он увидел, кто сидит в кресле проректора, догадался, что направили его сюда неспроста. Хозяином кабинета оказался тот самый мужчина, что наводил о нем справки и у завкафедрой иностранных языков, и у тренера.

— Ну здравствуй, Свиридов. Проходи, присаживайся, — пригласил его мужчина. — Пора нам с тобой познакомиться. Кое-что я о тебе знаю, меня зовут Виктор Леонидович.

Виктор Леонидович уже пять лет занимал должность проректора. До этого он служил в областном управлении Комитета госбезопасности и занимался проверкой соблюдения секретности на оборонных предприятиях, по сути контрразведывательной деятельностью. Работа в университете нравилась ему гораздо больше. Полковничья должность, статус, самостоятельный участок, да и просто — живая жизнь. На заводах ЧП случались не из-за происков иностранных шпионов, а из-за

бытовухи. То воровство, то пьяные драки. Утеря секретных документов произошла один раз, и то опять же по пьяному делу. Другое дело неугомонные студенты. Их тяга к проказам и приключениям иногда рождала такие ситуации, что только диву можно даваться.

К компетенции Первого отдела, как по традиции называли его работу, относился надзор за кафедрами радиоэлектроники и акустики, где готовили специалистов для оборонки. Кафедра картографии на географическом факультете — здесь хранились материалы под грифом «ДСП». Лабораторный фонд на химфаке — там можно было приготовить черт-те что. Это было хорошо ему знакомо по прежней работе. Теперь же добавилась борьба с идеологическими диверсиями, профилактика антисоветских проявлений у незрелой молодежи.

Виктор Леонидович осознавал необходимость этой работы, но старался делать это без излишнего ажиотажа. Конечно, надо наказывать первокурсников, считай вчерашних школьников, за то, что на скучной лекции по истории КПСС они разрисовали портрет Брежнева и членов Политбюро в найденном за партией журнале «Огонек». Но не так же, как хотели активисты из факультетского комитета комсомола! Исключить из ВЛКСМ означало автоматическое отчисление из университета. Строгого внушения будет достаточно.